

О ПРОШЛОМ — ПРАВДУ

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Двадцать третьего ноября исполняется сто лет с того траурного и торжественного дня, когда трудящиеся Москвы похоронили у Кремлёвской стены своих товарищей, которые, свершая Великую Октябрьскую революцию, погибли в боях за новую, справедливую жизнь: «За то, чтоб богатство, власть и познание стали бы жребием общим».

Да, потрясающая памятная церемония, положившая начало почётному Кремлёвскому некрополю, состоялась 10 ноября по старому стилю, то есть 23-го по новому. А как всё происходило, запечатлел взволнованный до глубины души очевидец — американский журналист коммунист Джон Рид.

Лучше, чем он, не расскажешь. Потому предлагаем нашим читателям фрагмент (с небольшим сокращением) из знаменитой книги Джона Рида о Великом Октябре «Десять дней, которые потрясли мир».

Что добавить к этому? Через год, 7 ноября 1918-го, отмечая первую годовщину Октябрьской революции, на Сенатской башне Кремля при огромном стечении народа была открыта мемориальная доска работы Сергея Конёнкова с надписью: «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

Выступил Ленин. Хор исполнил кантату, одним из авторов которой был Сергей Есенин.

К тому времени почётное захоронение 1917 года пополнилось ещё несколькими могилами отважных героев революции и Гражданской войны, имена которых вошли в историю. Позднее у Кремлёвской стены найдёт упокоение и один из первых летописцев Октября Джон Рид.

А центром всего этого главного мемориала Советской страны станет, конечно, Мавзолей В.И. Ленина, на протяжении десятилетий притягивавший к себе (и притягивающий сегодня!) миллионы людей со всего мира.

После коварной смены в Отечестве нашей власти Советской на буржуазную всё с большим нахрапом зазвучали требования о «захоронении тела Ленина» и ликвидации других могил на Красной площади, которые здесь якобы неуместны. Уместнее каток и вопли расхристанной попсы? Цель понятна: «десакрализация» и «декоммунизация» самого святого места нашей столицы и всей страны.

Но сама история против такого кощунства! Вот что пишет крупнейший знаток этой проблемы, почётный председатель Межрегионального общественного движения «За

сохранение Мавзолея В.И. Ленина и Почётного некрополя у Кремлёвской стены» Алексей Сергеевич Абрамов:

«Кладбища на Красной площади были испокон веков. «Традиционно, — говорится в энциклопедии «Москва», — в древней Москве жителей хоронили возле приходских церквей, в том числе и около церквей на Красной площади...» Погребение в 1917 году на Красной площади 238 революционеров — солдат, рабочих, матросов и санитаров, павших в боях за власть Советов, — лишь продолжение традиции».

И ещё из книги А.С. Абрамова: «За елями — две 75-метровые Братские могилы. На каждой лежит чёрная гранитная плита с надписью: «ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ РЕВОЛЮЦИИ, ПАВШИМ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ».

Давайте же в этот исторический день — 23 ноября и в предыдущие, последующие дни принесём цветы к священному месту нашей Памяти, которое навеки должно оставаться незабываемым.

*Виктор Кожемяко,
политический обозреватель «Правды»*

...Поздней ночью мы прошли по опустевшим улицам и через Иверские ворота вышли на огромную Красную площадь, к Кремлю... Через всю огромную площадь до нас долетали голоса и стук ломов и лопат. Мы перешли площадь.

У подножия стены были навалены горы земли и бульжника. Взобравшись повыше, мы заглянули вниз и увидели две огромные ямы в десять—пятнадцать футов глубины и пятьдесят ярдов ширины, где при свете больших костров работали лопатами сотни рабочих и солдат. Молодой студент заговорил с нами по-немецки. «Это братская могила, — ска-

«Лился бесконечный поток знамён»

тихий и глухой шум движения, словно начинался вихрь. В бледном полусвете раннего утра перед зданием Совета собралась небольшая группа мужчин и женщин с целым снопом красных знамён с золотыми надписями — знамён Исполнительного комитета Московского Совета. Светало... Донесившийся издали приглушённый движущийся шум на-

сидели дома по другим причинам. Этот день был днём народа, и молва о его пришествии гремела, как морской прибой.

Через Иверские ворота уже потекла людская река, и народ тысячами запрудил обширную Красную площадь. Я заметил, что, проходя мимо Иверской, никто не крестился, как это делали раньше...

Мы протолкались сквозь густую толпу, сгрудившуюся у Кремлёвской стены, и остановились на вершине одной из земляных гор. Здесь уже было несколько человек...

Со всех улиц на Красную площадь стекались огромные толпы

народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощённых трудом и бедностью. Пришёл военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разлившийся по площади, как морская волна.

Резкий долгий ветер пролетал по площади, развевая знамёна. Теперь начали прибывать рабочие фабрик и заводов отдалённых районов города; они несли сюда своих мертвецов. Можно было видеть, как они идут через ворота под трепещущими знамёнами,

ми надписями. Оркестр играл революционный похоронный марш, и вся огромная толпа, стоявшая с непокрытыми головами, вторила ему. Печальное пение часто прерывалось рыданиями...

Между рабочими шли отряды солдат также с гробами, сопровождаемыми воинским эскортом — кавалерийскими эскадронами и артиллерийскими батареями, пушки которых увиты красной и чёрной материей, увиты, казалось, навсегда... Похоронная процессия медленно подошла к могилам, и те, кто нёс гробы, спустили их в ямы. Многие из них были женщины — крепкие, коренастые пролетарки. А за гробами шли другие женщины — молодые, убитые горем или морщинистые старухи, кричавшие нечеловеческим криком. Многие из них бросались в могилу вслед за своими сыновьями и мужьями и страшно вскрикивали, когда жалостливые руки удерживали их. Так любят друг друга бедняки...

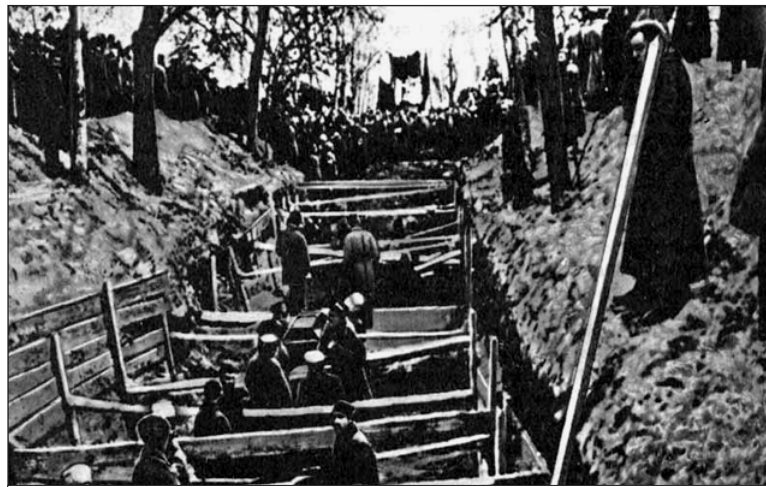
Весь долгий день до самого вечера шла эта траурная процессия. Она входила на площадь через Иверские ворота и уходила с неё по Никольской улице — поток красных знамён, на которых были написаны слова надежды и братства, ошеломляющие пророчества. И эти знамёна развевались на фоне пятидесяти тысяч толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира и их потомки отныне и навеки...

Один за другим уложены в могилу пятьсот гробов (уточнённо 238. — *Ред.*). Уже спускались сумерки, а знамёна всё ещё развевались и шелестели в воздухе, оркестр играл похоронный марш, и огромная толпа вторила ему пением. Над могилой на обнажённых ветвях деревьев, словно странные многокрасочные цветы, повисли венки. Двести человек взялись за лопаты и стали засыпать могилу. Земля гулко стучала по гробам, и этот резкий звук был ясно слышен, несмотря на пение.

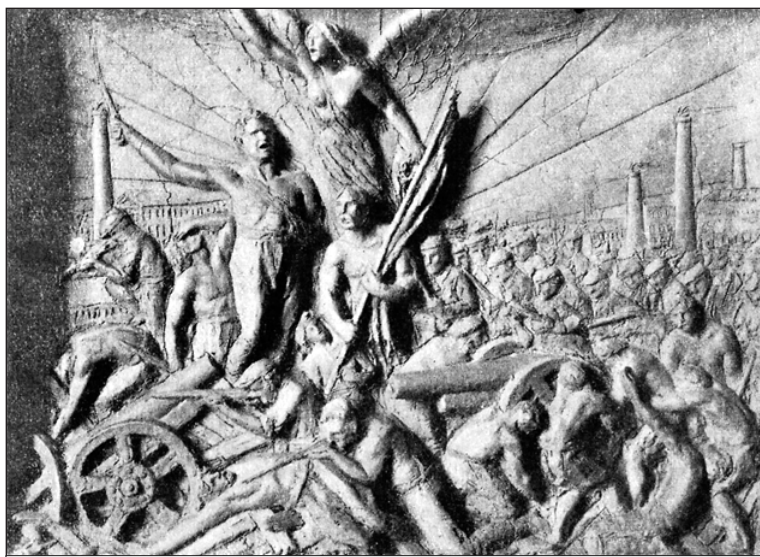
Зажгли фонари. Пронесли последнее знамя, прошла, с ужасной напряжённостью оглядываясь назад, последняя плачущая женщина. Пролетарская волна медленно схлынула с Красной площади...

И вдруг я понял, что набожному русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымалывать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдёшь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть — счастье...

(Материалы опубликованы в газете «Правда» №129 от 21—22 ноября 2017 года)

Похороны революционных бойцов у Кремлевской стены 23 октября 1917 года.

Мемориальная доска «В память павших борцов Октябрьского восстания 1917 года в Москве». Скульптор Акон Джорджан. Открыта 25 октября 1918 года с южной стороны Никольской башни

зал он, — завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию».

Он свёл нас в яму. Кирки и лопаты работали с лихорадочной быстротой, и гора земли всё росла и росла. Все молчали. Над головой небо было густо усеяно звёздами да древняя стена царского Кремля уходила куда-то ввысь...

Когда мы уходили, рабочие, уже сильно уставшие и мокрые от пота, несмотря на мороз, стали медленно выбираться из ямы. Через Красную площадь уже торопилась на смену масса людей. Они соскочили в ямы, схватились за лопаты и, не говоря ни слова, принялись копать, копать, копать...

Так всю эту долгую ночь добровольцы из народа сменяли друг друга, ни на минуту не останавливая своей спешной работы, и холодный утренний свет уже озарил на огромной белоснежной площади две зияющие коричневые ямы совершенно готовой братской могилы.

Мы поднялись ещё до восхода солнца и поспешили по тёмным улицам к Скобелевской площади. Во всём огромном городе не было видно ни души. Но со всех сторон издалека и вблизи был слышен

растал, становился всё громче, переходя в рокот. Город поднимался на ноги. Мы двинулись вниз по Тверской, неся над собой реюющие знамёна. Часовенки, мимо которых нам пришлось идти, были заперты. В них было темно...

Магазины были тоже закрыты, и представители имущих классов

В.И. Ленин и Я.М. Свердлов 25 октября 1918 года на открытии мемориальной доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов» на Сенатской башне Кремля. Скульптор Сергей Коненков

неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетёсаных досок, покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами. За гробами шли женщины, громко рыдая или молча, окаменевшие, мертвенно-бледные; некоторые гробы были открыты, и за ними отдельно несли крышки; иные были покрыты золотой или серебряной парчой или к крышке была прикреплена фуражка солдата. Было много венков из неживых, искусственных цветов...

Процессия медленно подвигалась к нам по открывавшемуся перед нею и снова сдвигающемуся неровному проходу. Теперь через ворота лился бесконечный поток знамён всех оттенков красного цвета с золотыми и серебряными надписями, с чёрным крепом на верхушках древков. Было и несколько анархистских знамён — чёрных с белы-